

УДК 81-13
UDC 81-13

Становая Лидия Анатольевна

**Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация**

Lydia A. Stanovaïa

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

e-mail: lida_stan@mail.ru

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПЕ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОНОМИИ ADDRESSING THE PRINCIPLE OF LINGUISTIC ECONOMY AGAIN

Аннотация

После многолетних и весьма бурных дискуссий 60–70-ых годов прошлого столетия, термин «языковая экономия» прочно обосновался в отечественной лингвистике. Однако знакомство с современными публикациями отечественных лингвистов свидетельствует о «досадной» полисемии термина, который употребляется в разных значениях: 1) обычном, обусловленном значением слова «экономия» в русском языке как экономность, бережливость; 2) специальном, определённом теорией А. Мартине, где экономия рассматривается как принцип организации и эволюции языковой системы; 3) смешанном, обусловленном смешением разных терминов, идей и понятий. В статье рассматриваются основные вопросы, связанные с определением сущности языковой экономии, её места и роли в языковой эволюции. Многие постулаты, относящиеся к указанным вопросам, противоречат известным фактам языковых изменений на разных уровнях системы. Однако если строго отделить речевую экономию от языковой, то многие противоречия исчезают.

Abstract

After a long and very heated discussions in 60s–70s of the last century, the term «linguistic economy» is firmly established in Russian linguistics. However, the analysis of modern publications of Russian linguists indicates «embarrassing» polysemy of the term, which is used in different meanings: 1) ordinary, determined by the meaning of the word «economy» in the Russian language as frugality, thrift; 2) special, determined by A. Martinet theory, where economy is considered as the principle of organization and evolution of the language system; 3) mixed due to the mixture of different terms, ideas and concepts. The article discusses the main issues related to defining the essence of linguistic economy, its place and role in language evolution. Many postulates concerning these issues contradict well-known facts of language change on different levels of language system. However, if we strictly separate economy in speech from economy in language many contradictions disappear.

Ключевые слова: термин, терминосистема, речевая и языковая экономия, изменение языка, языковая эволюция

Keywords: term, term system, economy in speech and language, language change, language evolution

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_50_75

Полисемия термина, досадная вообще и тем более досадная в лингвистике, приводит иногда к недоразумению.

Л. М. Скредина [1973, с. 116].

Введение

Лингвистика, точно так же, как и любая другая отрасль науки, обладает своим терминологическим аппаратом, однако сложность и многогранность изучаемого объекта исследования – языка, обусловили появление многочисленных и разнообразных теоретических подходов и направлений, многие из которых сопровождались как введением новых понятий и терминов, так и формированием отдельных терминосистем, специфичных для той или иной научной школы или направления.

На освоение лингвистической терминологии направлены все программы профессионального образования, однако небрежное, а зачастую и ошибочное употребление терминов стало, к сожалению, характерным отличием многих отечественных публикаций последнего времени.

Одни терминологические ошибки вызваны обычным невежеством, когда, например, психосистематика (Г. Гийом, Р. Вален, Л. М. Скредина и др.) смешивается с психолингвистикой (Л. С. Выготский, Л. В. Щерба, А. А. Леонтьев и др.), а лингвистика (наука о языке) отождествляется с семиотикой (наука о знаках и знаковых системах).

Другие обусловлены «досадной», по словам Л. М. Скрединой, полисемией одних и тех же терминов, используемых для обозначения разных понятий в разных теоретических школах или в исследованиях явлений разных языковых уровней. Причём, если одни термины принято уточнять, то другие используются в различных значениях без необходимого уточнения.

Например, для термина «синтагма» во всех отечественных лингвистических словарях и справочниках обычно указывается три значения: 1) «синтагма» в фонетике (фонетическая единица, отрезок или сегмент речевой цепи, речевого потока); 2) «синтагма» в грамматике (семантико-синтаксическая единица); 3) «синтагма» в теории Ф. де Соссюра (сложный языковой знак, обычно двучленный, состоящий из определяемого и определяющего).

При этом не указывается, например, определение «синтагмы», используемое в функциональной теории А. Мартине, где синтагма понимается как сочетание монем, в котором различают: 1) ядро, центральную монему; 2) монему (группу монем), которая определяет эту центральную монему и является зависимой от неё; 3) знак, если он есть, маркирующий зависимость всей синтагмы от высказывания в целом.

Добавим, что в теории А. Мартине монема является единицей 1-го, семантического, членения высказывания, а фонема – единицей 2-го, фонетического, членения. Монема – это минимальная двусторонняя единица членения, имеющая содержание (смысл, значение) и форму. Монема не яв-

ляется эквивалентом слова (подробнее см.: [Скрелина, Становая, 2012 ; Martinet, 1967 ; Martinet, 1979]).

В зарубежных словарях и справочниках, например, франкоязычных, синтагма определяется как синтаксическая и семантическая единица, состоящая из группы морфем или слов, ядро которой определяет характер и функцию синтагмы: именная, глагольная, предложная и другие. Синтагма является компонентом предложения и занимает промежуточное положение между словом и предложением (см. напр.: Trésor de la Langue Française).

Учитывая подобную «досадную» полисемию, чтобы избежать двусмысленности или даже ошибочности своих рассуждений, серьезные и вдумчивые авторы сразу уточняют, в каком значении они используют термин «синтагма» (см. напр.: [Пиотровская, 2015, с. 53 сл.]).

Напротив, столь важные для любого лингвистического исследования термины «язык» и «речь», «языковой» и «речевой», «устный» и «письменный», «разговорный» и «литературный» и так далее, определяемые и употребляемые по-разному не только в разных научных школах и разных отраслях лингвистики, но и разными авторами, к сожалению, чрезвычайно редко получают своё необходимое уточнение. Поэтому ничего, кроме совершенно естественного недоумения, не вызывают исследования «устной речи», выполненные на материале письменных текстов, или «разговорной речи», выполненные на материале литературных текстов, причем это исследования не XIX, а XXI века!

Особенно «не повезло» в этом отношении термину «языковая экономия». После многолетних и весьма бурных дискуссий 60–70-ых годов прошлого столетия, термин прочно обосновался в отечественной лингвистике. Казалось бы, что все вопросы, связанные с определением сущности языковой экономии, её места и роли в языковой эволюции, должны были получить свое окончательное и исчерпывающее разъяснение. Однако знакомство с современными публикациями отечественных лингвистов свидетельствует уже не просто о «досадной», но поистине катастрофической полисемии термина.

Так, термин «(закон, принцип) языковой экономии» употребляется в следующих значениях:

- 1) обыденном, обусловленном значением слова «экономия» в русском языке как экономность, бережливость;
- 2) специальном, определенном теорией А. Мартине, где экономия рассматривается как принцип организации и эволюции языковой системы;
- 3) смешанном, обусловленном смешением разных терминов, идей и понятий.

Рассмотрим указанные три значения подробнее.

I. Обыденное значение термина «(закон, принцип) языковой экономии»

Одной из самых модных преамбул лингвистических и металингвистических работ последних лет стала расхожая идея об ускорении ритма

(или темпа) современной жизни, который обуславливает, вследствие «всем известного», «универсального», «объективного» и так далее «закона (или принципа) языковой экономии», многочисленные и самые разнообразные лингвистические изменения.

По мнению этих авторов (Л. А. Бускунбаева, Е. С. Городова, Е. А. Гутина, А. Н. Занина, М. В. Зеликов, О. Л. Зимина, М. Л. Касаткин, В. П. Кобков, А. А. Ларькина, Г. В. Маракушина, С. И. Литвин, Е. А. Смирнова, М. В. Умерова и др.), «языковая экономия» вызывает не только «упрощение», «сокращение» и «обеднение» языка в целом, но и является причиной таких сугубо речевых явлений, как выпадение звуков и слогов в звучащей речи, опущение слов, словосочетаний и предложений в диалогической речи, использование аббревиатур в текстах различных жанров и стилей и так далее.

При этом под «языковой экономией» понимается, например, следующее:

1) сокращение средств выражения, позволяющих сократить время, необходимое на производство, передачу и восприятие сообщения (С. И. Литвин: «закон экономии <...> подразумевает употребление кратких средств выражения, что способствует сокращению материального объема сообщения и времени на его разработку и обработку»¹);

2) передача большего количества информации в единицу времени (М. Л. Касаткин: «суть языковой экономии состоит в стремлении к передаче большего количества информации в единицу времени»);

3) бережливость, краткость, лаконичность в общении (Л. А. Бускунбаева: «коммуниканты во все времена стремились к бережливости, краткости, лаконичности в общении, вырабатывались экономные средства выражения мысли и наиболее оптимальные способы передачи информации»);

4) производство и восприятие языковых элементов с наименьшей затратой усилий (А. Н. Занина: «принцип экономии языковых усилий, выражающийся в производстве и восприятии языковых элементов с наименьшей затратой усилий»; М. В. Умерова: «Человеческому мышлению и, соответственно, языку, свойственно стремление к экономии усилий и ресурсов, суммированию и обобщению отражаемых событий»);

5) речевая экономия, противопоставленная «языковому излишеству» (Л. А. Бускунбаева: «Язык противится любой громоздкости, излишеству, чрезмерным затратам физиологических усилий, всякого рода неудобствам, осложняющим работу памяти, неудобствам в произношении и письме, что вызывает у носителей данного языка стремление к экономии речевых ресурсов»);

6) минимизация плана выражения при сохранении плана содержания (Е. С. Городова: «Одним из факторов, определяющих упрощение языка, является действие закона лингвистической экономии, проявляющегося в минимизации плана выражения при сохранении плана содержания») и так далее.

¹ Здесь и далее сноски на используемые в качестве иллюстрации работы не даются, однако любой желающий при необходимости может легко найти все необходимые библиографические сведения в интернете.

Эти и другие подобные определения термина «экономия» основаны на обыденном значении русского слова «экономия», понимаемого как экономность, бережливость. Именно экономность, бережливость, в одном случае, времени («большее количество информации в единицу времени»), в другом – речевых усилий («закон наименьшего усилия»), «речевых ресурсов», «средств выражения» и т. д., обуславливают сокращение «материального объёма» речевого высказывания. Это то, что в своё время Е. Д. Поливанов назвал «ленью человеческой» или стремлением «к экономии трудовой энергии» [Поливанов, 1968, с. 81].

Жёсткую критику такого упрощённого подхода к «языковой экономии» более 40 лет назад дал Р. А. Будагов, который указывал, что только при «поверхностном рассмотрении языка его огромное богатство может показаться излишним, ненужным, избыточным» [Будагов, 1972, с. 18].

В своей известной статье Р. А. Будагов [Будагов, 1972] очень подробно разбирает историю употребления этого термина и его различное толкование на разных этапах развития науки. Нельзя не согласиться с его блестящей критикой так называемой «экономности» отдельных слов и словосочетаний, конструкций и предложений, определённых жанров и стилей. Совершенно справедливы его аргументы о несостоятельности «большей экономности» новых, современных языков по сравнению со старыми, или о «простоте, удобстве и экономности» аналитических конструкций в отличие от «трудных, неудобных и неэкономных флексий».

Рассматривая различные теории «экономии усилий», Р. А. Будагов едко, но точно определяет суть проблемы: «Здесь удивительным образом *смешаны* (выделение наше – Л. С.) самые различные понятия. Уменьше излагать идеи простым и ясным языком («с возможно меньшим усилием») само по себе действительно свидетельствует об отличном искусстве говорящего или пишущего. Больше того. Подобное искусство обнаруживает не только высокую культуру человека, но и высокий уровень развития того языка, которым пользуются говорящие. Все это бесспорно. Но все это не имеет никакого отношения к процессу превращения длинных слов и длинных предложений в короткие слова и короткие предложения, процессу, который *будто бы* (выделение наше – Л. С.) наблюдается в истории языков мира» [Будагов, 1972, с. 19].

Словно предвосхищая расхожие объяснения современных лингвистов разнообразных языковых явлений и процессов с точки зрения «языковой экономии», Р. А. Будагов замечает, что «принцип «экономии» широко раскрывает дверь для *произвольных* (выделение наше – Л. С.) истолкований» [Будагов, 1972, с. 29].

К сожалению, именно такое «произвольное истолкование» стало широко распространённым в современных отечественных публикациях (Е. С. Городова, Е. А. Гутина, М. В. Зеликов, В. П. Кобков, А. А. Ларькина, Г. В. Маракушина, М. В. Умерова, Е. А. Шагланова и др.), где практически любое явление рассматривается как компрессия («как проявление общеязыковой тенденции к экономии»), или как эллипсис («языковая экономия на синтаксическом уровне»).

Так, «компрессией» объявляются разные виды стяжения гласных, согласных, слогов и другие процессы, ведущие к так называемому «фонетическому свёртыванию» слова.

Действительно, такое объяснение оказывается очень удобным: не нужно подробно разбираться с монофтонгизацией, ассимиляцией, редукцией, упрощением групп согласных, вокализацией, спирантизацией и многими другими фонетическими процессами, наблюдаемыми в разных языках как в диахронии, так и в синхронии. Достаточно назвать все компрессией, и не нужно знать, что рядом с монофтонгизацией (например, лат. AURUM > франц. *or*) есть дифтонгизация (лат. FIDEM > ст. франц. *feit* > франц. *foi*), а рядом с упрощением групп согласных (лат. COMPUTARE > ст. франц. *comter* > франц. *compter* [kõ·te]) есть усложнение (лат. TENERUM > франц. *tendre* [tã·drã]), что кроме ассимиляции (лат. FRATREM > ст. франц. *fredre* > франц. *frère*; лат. FECI > **fici* > ст. франц. *fi*) есть диссимиляция (ст. франц. *lossignol* > франц. *rossignol*; лат. SOROREM > ст. франц. *serour*) и так далее.

Очень удобно разные виды словообразования (словосложение, аббревиация, телескопия, контаминация, конверсия, субстантивация и др.) назвать «компрессивными» и, не обременяя себя ни «лишними» знаниями, ни «лишними» исследованиями, ни «лишними» размышлениями, решить тем самым раз и навсегда все дискуссионные вопросы относительно, например, телескопии, которая различными исследователями рассматривается и как вид аббревиации, или словосложения, или образования сложносокращенных слов, и как самостоятельный способ словообразования и прочее.

А как легко, без тщательных исследований, ставится точка в многовековом споре учёных об артикле во французском языке! Достаточно назвать «эллипсисом» все случаи неупотребления артикля, и не нужно читать необъятное количество работ, представляющих результаты изучения артикля в разных ракурсах и с разных позиций, не нужно вникать в суть и аргументацию многочисленных теорий артикля, существующих во французской грамматике, не нужно ни изучать теорию нулевого артикля, ни тем более исследовать статус безартиклевых существительных во французском языке. Какая экономия времени, труда и мысли!

Только намеренно упрощённым подходом к лингвистическим исследованиям, в том числе и диссертационным, можно объяснить широкую популярность термина «(языковая) экономия», понимаемого как экономность, бережливость и позволяющего чрезвычайно «произвольно истолковывать» все, в том числе сложнейшие языковые процессы и явления.

II. Специальное значение термина «(принцип) языковой экономии»

Термин и понятие «экономия» прочно связаны с теорией функциональной лингвистики А. Мартине (André Martinet, 1908–1999) и его книгой «*Economie des changements phonétiques: Traité de phonologie diachronique*» (дословно: Экономия фонетических изменений: Очерк диахронической фонологии. – Л. С.), опубликованной в 1955 г. [Martinet, 1955].

Первый русский перевод вышел в 1960 г. с названием: «Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии)» [Мартине, 1960], поэтому в отечественном языкознании с теорией и именем А. Мартине в большей степени связан термин «принцип экономии».

Второй перевод вышел уже с другим названием: «Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии» [Мартине, 2006].

В Предисловии ко 2-му изданию А. А. Зализняк объясняет причины, побудившие его изменить название, указывая в частности, «что русское слово *экономия* не покрывает того специфического значения французского слова '*economie*', которое следует предполагать в данном (т. е. «Принцип экономии в фонетических изменениях» – Л. С.) заглавии». При этом далее он добавляет, что нельзя «во всех случаях, где Мартине употребляет в своей книге слово '*economie*', воспользоваться переводом «механизмы»; в главе IV (Глава IV. Экономия. – Л. С.) в определённых контекстах более уместными остаются прежние переводы «экономия» и «принцип экономии» [Мартине, 2006].

Действительно, отмеченная неточность перевода обусловлена существенной разницей в значениях французского слова '*economie*' и русского слова «экономия»: если обратиться к французским и русским словарям, общее и различное в значениях французского слова '*economie*' и русского слова «экономия» становится очевидным.

Так, основное значение слова «экономия» в русском языке – это «бережливость при расходовании чего-н.»; «бережливость, расчетливость при расходовании чего-л.», «бережливое расходование денег, материалов и др. ресурсов»; «выгода, получающаяся при бережном расходовании чего-н.», «выгода, получающаяся в результате такой бережливости, расчетливости; сбереженная, сэкономленная сумма»; а устаревшее – «помещичье хозяйство, усадьба»; «крупное помещичье хозяйство»; «хозяйство капиталистического типа»; «контора, усадьба, хозяйство» [Ожегов, 1990, с. 904; Словарь иностранных слов, 1949, с. 747; Словарь иностранных слов, 2001, с. 759; Исторический словарь галлицизмов].

Таким образом, русское слово «экономия» обозначает экономность, бережливость, расчетливость и выгоду, получающуюся в результате этого. Это – то обычное, или обыденное значение, с каким оно употребляется во многих работах, о которых речь шла выше.

Для французского слова '*economie*' главным, определяющим значением указывается «порядок, правило, способ управления» хозяйством, домом, финансами и так далее. Дополнительными, переносными значениями указываются «гармония между частями целого» и «расположение, согласованность частей целого». Кроме этого, указываются и схожие с русским значения уменьшения или ограничения расходов, снижение потребления чего-то во время использования, в том числе труда, усилий, времени и так далее. Сравним следующее (перевод и выделение наше – Л. С.).

1. *L'ordre, la règle* qu'on apporte dans la conduite d'un ménage, dans la dépense d'une maison. <...> Il se dit aussi figurément De *l'harmonie* qui est

entre les différentes parties, les différentes qualités du corps physique. <...> Il se dit encore figurément De **la disposition** d'un dessein², de la distribution d'un discours, d'une pièce d'Éloquence. *Dictionnaire de l'Académie Française, 4-ème édition*, 1762. P. 584. – **Порядок, правило**, которые вносятся в ведение домашнего хозяйства, в расходы дома. В переносном значении обозначает также **гармонию** между различными частями, различными достоинствами физического (человеческого) тела. В переносном значении обозначает также расположение рисунка, распределение (последовательность) речи, (литературного) произведения Красноречия. *Словарь Французской Академии, 4 издание*,³ 1762 г. С. 584. [Dictionnaire de l'Académie Française].

2. **L'ordre, la règle** qu'on apporte dans la conduite et la dépense d'une maison. <...> On dit aussi, *économie*, pour, **harmonie**, entre les différentes parties d'un tout. <...>. *Jean-François Féraud, Dictionnaire critique de la langue française*, 1787–1788. P. B021a. – **Порядок, правило**, которые вносятся в ведение и расходы дома. Говорят также экономия для (обозначения) **гармонии** между различными частями целого. *Жан-Франсуа Феро, Критический словарь французского языка*, 1787–1788 гг. С. B021a. [Dictionnaire critique de la langue française].

3. **L'ordre, la règle** qu'on apporte dans la conduite d'un ménage, dans la dépense d'une maison. <...> Il se dit aussi figurément De **l'harmonie** qui est entre les différentes parties, les différentes qualités du corps physique. <...> Il se dit encore figurément De **la disposition** d'un dessin, de la distribution d'un discours, d'une pièce d'Éloquence. *Dictionnaire de l'Académie Française, 5-ème édition*, 1798. P. 460. – **Порядок, правило**, которые вносятся в ведение домашнего хозяйства, в расходы дома. В переносном значении обозначает также **гармонию** между различными частями, различными достоинствами физического (человеческого) тела. В переносном значении обозначает также расположение рисунка, распределение (последовательность) речи, (литературного) произведения Красноречия. *Словарь Французской Академии, 5 издание*, 1798 г. С. 460. [Dictionnaire de l'Académie Française].

4. Ce mot ne signifie dans l'acception ordinaire que **la manière d'administrer** son bien; elle est commune à un père de famille et à un surintendant des finances d'un royaume. <...> *Dictionnaire philosophique de Voltaire*. – В обычном смысле это слово означает только **способ управления** своим имуществом; является общим и для главы семейства, и для суперинтенданта королевства. *Философский словарь Вольтера* [Encyclopedie universelle].

5. **Ordre, règle** qu'on apporte dans la conduite d'un ménage, dans la dépense d'une maison, dans l'administration d'un bien. <...> Il signifie plus

² Здесь и далее сохраняется орфография источников.

³ Это первая фиксация слова 'économie' во французских словарях, начиная со словаря Р. Этьена 1552 г. (Robert Estienne. Dictionarium latinogallicum. Lutetiae, apud Carolum Stephanum, Typographum Regium, M. D. LII. Cum priuilegio Regis). В 1 издании Словаря Французской Академии 1694 г. слово 'économie' отсутствует.

ordinairement, Épargne dans la dépense. <...> se dit figurément de *L'harmonie* qui existe entre les différentes parties, les différentes qualités d'un corps organisé. <...> Il signifie encore figurément, La *disposition* des parties d'un dessin, d'un tableau, la distribution ou le plan d'un ouvrage d'esprit, et en général Toute *coordination* de parties, quel que soit l'ensemble qu'elles contribuent à former. <...> *Dictionnaire de l'Académie Française, 6-ème édition, 1832–1835. P. 603 (T. 1).* – **Порядок, правило**, которые вносятся в ведение домашнего хозяйства, в расходы дома, в управление имуществом. Обычно обозначает бережливость в расходах. В переносном значении обозначает *гармонию*, которая существует между различными частями, различными достоинствами организованного корпуса (единства). В переносном значении обозначает также *расположение* частей рисунка, картины, последовательность или план работы мысли (произведения), и в целом – любую *согласованность* частей того единства, которое они создают. *Словарь Французской Академии, 6 издание, 1832–1835 гг. Т. 1. С. 603.* [Dictionnaire de l'Académie Française].

6. *Toujours précédé de «ordre».* Mène à la fortune. <...> *Dictionnaire des idées reçues. Gustave Flaubert. 1880.* – **Всегда сопровождается словом «порядок».** Ведет к богатству. *Словарь полученных идей. Гюстав Флобер. 1880* [Encyclopedie universelle].

7. Épargne dans la dépense. <...> Il se dit aussi, dans un sens plus large, de *l'Ordre, de la règle* que l'on apporte dans la conduite d'un ménage, dans la dépense d'une maison, dans l'administration d'un bien. <...> Il se dit figurément de *l'Harmonie* qui existe entre les différentes parties, les différentes qualités d'un corps organisé. <...> Il désigne encore figurément la *Disposition* des parties d'un dessin, d'un tableau, la distribution ou le plan d'un ouvrage d'esprit, et en général Toute *coordination* de parties, quel que soit l'ensemble qu'elles contribuent à former. <...> *Dictionnaire de l'Académie Française, 8-ème édition, 1932–1935. P. 434 (T. 1).* – Бережливость в расходах. В более широком значении обозначает **порядок, правило**, которые вносятся в ведение домашнего хозяйства, в расходы дома, в управление имуществом. В переносном значении обозначает *гармонию*, которая существует между различными частями, различными достоинствами организованного корпуса (единства). В переносном значении обозначает также *расположение* частей рисунка, картины, последовательность или план работы мысли (произведения), и в целом – любую *согласованность* частей того единства, которое они создают. *Словарь Французской Академии, 8 издание, 1932–1935 гг. Т. 1. С. 434.* [Dictionnaire de l'Académie Française].

8. Sage *administration, art de bien gérer* une entreprise. <...> *Disposition harmonieuse des parties d'un tout; bon fonctionnement d'un organisme.* <...> Particulièrement, Répartition de la matière dans les diverses parties d'une oeuvre littéraire. <...> *Dictionnaire de la langue française classique.* – Умелое управление, способ, искусство хорошо управлять предприятием. *Гармоничное расположение частей целого; хорошая работа (хорошее функционирование) организма (устройства).* Частное

значение: распределение содержания по отдельным частям литературного произведения. *Словарь французского классического языка* [Dubois, Lagane, 1960, с. 172].

9. *Art de gérer*. <...> P. ext. *Art d'administrer* un bien, une entreprise par une gestion prudente et sage afin d'obtenir le meilleur rendement en utilisant les moindres ressources. <...> 2. *Art de réduire la dépense*. Art de réduire la dépense dans la gestion de ses biens, de ses revenus. <...> P. ext. Art de limiter la dépense, de diminuer la consommation de quelque chose lors de son utilisation. <...> P. ext. *Distribution des éléments d'un ensemble complexe*. <...> *Trésor de la Langue Française*. – 1. *Способ, искусство управлять*. В более широком смысле: способ, искусство *управлять* (руководить) имуществом, предприятием при помощи осторожного и умного руководства с целью получения большей прибыли при использовании минимальных средств. 2. *Способ, искусство* сократить расходы. Способ, искусство сократить расходы в управлении своим имуществом, доходами. В более широком смысле: способ, искусство ограничить расходы, уменьшить потребление чего-либо при его использовании. *Тезаурус французского языка* [Trésor de la Langue Française].

10. *Art de bien administrer* une maison, de gérer les biens d'un particulier. <...> *Administration, gestion*. <...> *Organisation des divers éléments d'un ensemble*; manière dont sont distribuées les parties. <...> *Ordre, organisation, structure*. <...> *Relations*, articulation des *parties d'un système*. <...> Le Petit Robert. – *Способ, искусство хорошо управлять* домом, имуществом. *Управление, руководство. Организация элементов целого* способ распределения частей (целого). *Порядок, организация, структура. Соотношение*, соединение *частей системы*. *Малый толковый словарь Робер* [Le Petit Robert, 1979, с. 600].

Итак, во французском языке слово «экономия» в широком смысле обозначает порядок, способ, искусство управления, руководства, а также гармоничное и согласованное расположение, соотношение и соединение частей любого организованного целого, единства.

Соответственно, введенный и использованный А. Мартине термин «(языковая) экономия» (*économie, économie linguistique*) обозначает, с одной стороны, 'порядок, способ, искусство управления, руководства языком', а с другой – 'гармоничное и согласованное расположение, соотношение и соединение частей языка как организованного единства'.

С этой точки зрения, становится понятной та огромная роль языковой экономии как теоретического понятия, о которой в той или иной форме писал А. Мартине во всех своих работах, начиная с 1955 г., например: «Термин *экономия* включает всё: и ликвидацию бесполезных различий, и появление новых различий, и сохранение существующего положения. Лингвистическая экономия – это синтез действующих сил» [Мартине, 1960, с. 129–130].

Критикуя теорию А. Мартине, Р. А. Будагов заметил: «Нет никаких оснований придавать подобное всеобъемлющее значение «экономии».

Если «экономия» – это термин, то он не может «включать всё» уже в силу самого своего терминологического характера» [Будагов, 1972, с. 20].

С этим замечанием Р. А. Будагова нельзя не согласиться. Действительно, термин должен чётко и однозначно определять соответствующее понятие или явление.

Однако, «всеобъемлющее значение» термина «экономия» обусловлено, во-первых, указанным значением слова '*économie*' во французском языке, помогающим понять управляющую, руководящую роль экономии в организации и эволюции языковой системы как единого целого, все части которого находятся в гармоничном и согласованном расположении, соотношении; а также, во-вторых, всей сущностью теоретической концепции А. Мартине, в контекст которой он был введён и в рамках которой он употреблялся и употребляется.

Обратимся к тем основным постулатам функциональной лингвистики, в контексте которых становится очевидной суть рассматриваемого термина [Березин, 1984, с. 251–263; Скредина, 1968; Скредина, 1973, с. 114–136; Мартине, 1960; Feuillard, 2001; Martinet, 1955; Martinet, 1967; Martinet, 1975; Martinet J., 1975; Skrélina, 1968].

1. Дихотомия «язык-речь»; понимание языка как системы (парадигматический план) и речи как речевого потока (синтагматический план); возможность изучения каждой точки речевого отрезка как в аспекте речевого потока, так и в аспекте системы.

Соответственно, А. Мартине [1967] выделяет речевую, синтагматическую экономию (*économie syntagmatique*) и языковую, парадигматическую экономию (*économie paradygmaticque*).

Разъяснение приводится следующее: для обозначения, например, стиральной машины (*machine à laver*) можно употребить большое (*machine à laver* = 3 монемы, 5 слогов, 10 фонем) или маленькое (*Bendix* (марка стиральной машины – Л.С.) = 1 монема, 2 слога, 6 фонем) количество монем, слогов, фонем.

Синтагматическая экономия – это выбор меньшего количества: 1 монема – вместо 3 монем, 2 слога – вместо 5 слогов, 6 фонем – вместо 10 фонем.

Заметим, что именно в этом значении (выбор меньшего количества монем, слогов и фонем) термин «экономия» употребляется в большинстве работ, о которых шла речь выше.

Соответственно, чтобы избежать «досадной полисемии термина» достаточно уточнить, что изучаются и описываются особенности речевой, синтагматической экономии.

Или, что термин «экономия» употребляется в русле американской лингвистической традиции, которая, по мнению Э. Хэмп, «настолько отошла от европейской, что требует уже особого словаря для понимания созданных в пределах этой традиции трудов» [Хэмп, 1964, с. 5]: здесь используется схожий по звучанию термин '*эконому*', который понимается как «установление наименьшего числа фонем» [Хэмп, 1964, с. 259]. Вероятно, именно для того, чтобы избежать «досадной полисемии термина»,

В. В. Иванов и В. А. Звегинцев перевели на русский язык слово ‘economy’ как «экономность», а не как «экономия».

Парадигматическая экономия – это выбор устойчивого, частотного обозначения (*machine à laver*), понятного любому говорящему, а потому позволяющего избежать увеличения количества существительных, которые говорящий должен знать, и, следовательно, позволяющего избежать дополнительной нагрузки на память.

Кажется, что короткая форма предпочтительнее, однако выбор короткой или длинной формы, её употребление и сохранение в языке регулируется языковой (парадигматической) экономией, которая позволяет найти оптимальное равновесие между потребностями коммуникации, инерцией памяти и инерцией артикуляции [Martinet, 1967, p. 177–178].

Важно: языковые изменения обусловлены языковой, парадигматической, экономией. Языковая экономия связана исключительно с языком как системой. Языковая экономия является принципом организации и эволюции языковой системы.

2. Язык – это инструмент, или орудие общения; коммуникативная функция – это первичная и центральная функция языка; язык должен изучаться в его функционировании, то есть в процессе общения, так как изменения языка в процессе коммуникации вызваны потребностями носителей языка.

Любое высказывание требует от говорящего определённых затрат умственной и физической энергии. Эти затраты кажутся несущественными, однако даже опытный оратор испытывает «чувство глубокой усталости» (*un état de grande lassitude* [Martinet, 1967, p. 178]) после поиска нужного слова или чёткого проговаривания последовательных звуков.

А. Мартине считает, что «<...> языковая эволюция вообще определяется постоянным противоречием между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность» [Мартине, 1960, с. 126].

Заметим, что именно на этой части разъяснения понятия «экономии» («свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность») строятся работы, о которых шла речь выше и пойдет ниже.

Однако сам А. Мартине развивает эту мысль дальше: «В плане слов и знаков каждый языковой коллектив в каждый момент находит определённое равновесие между потребностями выражения, для удовлетворения которых необходимо всё большее число специальных и соответственно более редких единиц, и естественной инерцией, направленной на сохранение ограниченного числа более общих и чаще употребляющихся единиц» [Мартине, 1960, с. 126].

Инерция является постоянным элементом, тогда как потребности общения постоянно растут. Соответственно, с ростом потребностей должно расти и число необходимых для языкового коллектива значащих единиц.

Если рассуждать теоретически, то можно допустить возможность существования такой языковой системы, в которой у каждого означаемого есть своё фонетически однородное и неделимое означающее, поскольку

ку число различных однородных звуков, которые могут артикулироваться органами речи и служить дифференциальными признаками между знаками, безгранично.

Однако, когда количество этих единиц становится неэкономным, оно пресекается так же, как пресекается проявление чрезмерной инерции. Языковое поведение регулируется целесообразным соответствием этих противоположных тенденций, то есть равновесием между необходимым для языкового коллектива количеством значащих единиц и практическими возможностями человеческих органов речи и восприятия.

Таким регулятором, по мнению А. Мартине, является экономия: «Принцип экономии в языке проявляется в постоянном стремлении достичь равновесия между противоречивыми потребностями, подлежащими удовлетворению, – потребностями общения, с одной стороны, и инерцией памяти и инерцией органов речи – с другой» [Мартине, 1963, с. 534].

Экономия заключается в том, чтобы ограничить число специфических единиц выражения, то есть фонем, разные последовательные сочетания которых образуют различные означающие, а также в том, чтобы ограничить число одновременно реализующихся звуковых признаков, сохранив при этом те основные «существенные» характеристики (*traits pertinents*), которые необходимы в процессе коммуникации для различения смысла.

Только в этом случае затраты умственной и физической энергии будут пропорциональны задачам и потребностям коммуникации, а энергия, потраченная в лингвистических целях, станет пропорциональной переданной информации (*l'énergie dépensée à des fins linguistiques tendra à être proportionnelle à la masse d'information transmise* [Martinet, 1967, p. 179]).

Важно: языковая экономия обеспечивает равновесие языковой системы. Каждый язык подходит экономно к установлению различительных (дифференциальных) признаков между знаками (элементами системы). Экономия заключается в поиске равновесия между минимальным количеством дифференциальных, релевантных признаков и максимальным количеством значащих единиц, необходимых в процессе коммуникации для различения смысла.

3. Понятие о языке как о функциональном механизме, как о динамически изменяющейся системе, которая обладает свойством саморазвития. Нарушение и восстановление языковой системы является фактором, определяющим развитие языка.

Изменение языка в соответствии с потребностями общения обуславливает появление новых значащих единиц, которые должны встроиться в существующую систему: ассимилироваться с подобными элементами этой системы и дифференцироваться от противоположных.

С появлением новой формы и нового противопоставления структурные отношения между элементами системы неизбежно меняются. Здесь действует принцип динамической солидарности, согласно которому все элементы системы взаимосвязаны, так что изменение в одном звене вызывает реакцию всей системы; кроме того, элементы системы разных уровней (фонологический, морфологический, лексический) тоже связаны, так

что системное противопоставление элементов одной системы способствует противопоставлению элементов другой системы.

Все изменения приводят к потере равновесия системы и вызывают её перестройку. Перестройка языковой системы в целом и её частных подсистем (микросистем) проходит в соответствии с принципом экономии, согласно которому симметричное построение требует заполнения «пустых клеток» или ликвидации «лишнего звена» в системе.

Стремление системы к гармонии, симметрии и равновесию усматривается в том соотношении, которое существует или устанавливается между необходимостью выразить то или иное значение и наличием формы, призванной его передать. Экономия различительных признаков выражается в поиске соответствия между формой (означающее) и значением (означаемое) в структуре единицы (знака).

В целом, функциональная модель языка обладает свойством саморазвития, она динамична. Её механизм описывается в связи с понятиями «давления» системы, стремления системы к симметрии и равновесию.

Важно: изменения в системе, её перестройка проходят таким образом, чтобы с помощью минимума различительных (дифференциальных, релевантных) признаков обозначить максимум функциональных противопоставлений. Принцип экономии, вкупе с другими принципами (динамической солидарности, давления системы, заполнения пустой клетки, ликвидации лишнего звена и др.), рассматривается как принцип организации языковой системы и как внутренний закон языковых системных изменений.

Таким образом, в терминосистеме функциональной лингвистики термин «языковая экономия», или в русском варианте «принцип экономии», определяется как внутренний закон развития языка, который соответствует физиологическим и психическим свойствам человеческого организма.

Язык как динамическая система обладает свойством саморазвития. Нарушение и восстановление языковой системы является фактором, определяющим развитие языка. Языковая экономия рассматривается как регулятор языкового поведения, как принцип организации и эволюции языковой системы, обеспечивающий её равновесие и симметрию.

Языковая экономия заключается в экономном установлении различительных (дифференциальных, релевантных) признаков между знаками, элементами системы, поскольку минимальное количество дифференциальных признаков должно использоваться для обозначения максимума функциональных противопоставлений, для выражения максимального числа означаемых.

III. Смешанное значение термина «(закон) языковой экономии»

Ярким примером смешения разных терминов, идей и понятий является определение экономии в *Словаре-справочнике лингвистических терминов* [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 534]: «экономия лингвистическая

(закон экономии сил). Стремление говорящего экономить усилия при пользовании речью как одна из причин изменения языка».⁴

Экономия здесь понимается в обыденном значении как экономность, бережливость – об этом значении термина «экономия» шла речь выше, в I части. Однако при этом указывается, что подобная экономность речевых усилий является одной из причин эволюции языка – о взгляде А. Мартине на важную роль экономии в языковой эволюции, но в другом понимании термина «экономия», шла речь во II части.

Из рассматриваемого определения следует, что лингвистическая экономия имеет, во-первых, статус «закона», то есть «экономия сил» представляет собой объективное, необходимое, существенное, устойчивое, постоянное явление «при пользовании речью»; а во-вторых, является «одной из причин изменения языка».

Относительно первого, следует отметить такую всем известную особенность речи как избыточность.

Известно, что избыточность речи, или речевая избыточность, может быть различной: смысловой, содержательной, формальной, семантической и так далее (о разных видах избыточности см. напр. в сборнике: «Избыточность в грамматическом строе языка»). Всем известна стилистическая избыточность, проявляющаяся, например, в таких явлениях, как многословие, тавтология, плеоназм, редупликация и прочее. Часто говорят о грамматической избыточности, когда одно и то же грамматическое значение выражается несколько раз, например, в форме самого существительного и всех согласующихся с ним прилагательных, местоимений, артиклей, глаголов. Если же «экономия сил при пользовании речью» – это закон, то никакой избыточности речи не может быть в принципе, раз любая речь должна быть *a priori* «экономной».

Второе заключение касается роли «экономии сил» в процессе языковой эволюции. Приводимые далее примеры должны, по мнению авторов *Справочника*, показать, как «стремление говорящего экономить усилия при пользовании речью» ведёт к «изменениям языка».

Так, «В фонетике «закон наименьшего усилия» проявляется, например, в ассимиляции по звонкости-глухости (произношение [зб]росить, [зг]ореть, [зд]ать с начальным звуком [з] требует меньше усилий, чем с [с], так как работа голосовых связок начинается уже с первого согласного), в оглушении конечного звонкого согласного (произношение ло[п] вместо ло[б], плу[к] вместо плу[г], но[ш] вместо но[ж], ра[с] вместо ра[з] и т. п. проще, так как в русском языке всякий глухой согласный проще звонкого)» [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 534].

Действительно, оглушение конечных звонких согласных в звучащей речи хорошо известно. Однако, к какому изменению русского языка оно приводит или привело?

⁴ Ср. также: «закон экономии сил» англ. (law of least effort) Экономия сил, рассматриваемая как причина фонетических изменений» [Ахманова, 1966, с. 152].

К изменению звучания отдельных слов в процессе эволюции русского языка, раз «в русском языке всякий глухой согласный проще звонкого»? В других словах, возможно, да, но в приведённых примерах – нет: здесь наблюдается позиционное чередование вариаций и вариантов фонем [Широв, 2003, с. 107–111], поскольку изменение конечных звонких согласных происходит в определённых позициях в речевом, звучащем потоке, но не приводит к изменениям фонетической и морфологической структуры указанных слов, где звонкие согласные сохраняются: *лба, плуга, ножа, раза*.

К изменению фонологической системы русского языка? Если «всякий глухой согласный проще звонкого», значит, должно было произойти ранее или наблюдаться сейчас исчезновение звонких согласных из фонологической системы русского языка, или, по крайней мере, их существенное сокращение. Но этого нет: оппозиция «глухой : звонкий» составляет одну из стержневых, базовых характеристик системы согласных в русском языке.

С другой стороны, авторы приводят примеры озвончения глухих согласных в начальной позиции, объясняя появление звонкого согласного ассимиляцией по звонкости-глухости с начальным звуком, которая «требует меньше усилий». Следует ли сделать вывод, раз речь идёт об изменении языка, что все слова в русском языке начинаются со звонкого согласного, «так как работа голосовых связок начинается уже с первого согласного»? И как это согласуется с утверждением, что «всякий глухой согласный проще звонкого»? Что же на самом деле, по мнению авторов, является «экономным»: оглушение звонких согласных или озвончение глухих?

Утверждение, что «экономия сил при пользовании речью» является законом и «одной из причин изменения языка», противоречиво по сути и не подтверждается даже примерами, приводимыми авторами *Справочника*.

Представляется, что подобное противоречие обусловлено смешением разных понятий и явлений. Указанные примеры иллюстрируют речевую, или в терминологии А. Мартине, синтагматическую экономию, но для изменения языка важно иное.

Действительно, регрессивная ассимиляция согласных, оглушение конечных согласных и многие другие фонетические процессы, обусловленные комбинаторным взаимовлиянием звуков в речевом потоке, характерны для разных языков на разных этапах их эволюции. В ряде случаев они могут приводить к языковым изменениям и иметь статус фонетических законов, то есть таких регулярных фонетических изменений, которые совершались в определённый временной период на определённой территории.

Так происходит, например, в истории формирования и эволюции французского языка, когда оглушение конечных согласных сначала в латинском, а затем в старофранцузском языке сопровождалось изменением фонетической и морфологической структуры слов, например: лат. GRANDEM > ст. франц. *grand* > *grant* > франц. *grand* [grã]; лат. CALIDUM > ст. франц. *chaut* > франц. *chaud* [ʃo]; лат. CLAVEM > ст. франц. *clef* > франц. *clé* [kle] и так далее.

Важно подчеркнуть, что действие фонетических законов строго ограничено во времени: оглушение конечных согласных в современном французском языке считается лишь признаком ненормативной, небрежной, неграмотной речи.

Таким образом, одно и то же фонетическое явление, рассматриваемое как проявление речевой экономии, может повлечь за собой то или иное изменение языка, а может остаться на том же речевом уровне без каких-либо языковых изменений.

Размышляя над данным феноменом, Б. А. Серебренников приводит многочисленные примеры самых разнообразных фонетических изменений в разных языках мира, свидетельствующих, по его мнению, об «облегчении произношения», вызванном «экономией физиологических затрат» [Серебренников, 1988, с. 96–112].

Соглашаясь с мнением А. Шлейхера, Г. Курциуса, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Е. Д. Поливанова, А. Мартине, придававших особое значение «фактору экономии усилий», и возражая против мнения В. Дельбрюка, Й. Схрэйнена, А. Доза, Р. А. Будагова, Б. А. Серебренников называет принцип экономии в языке одним из частных проявлений инстинкта самосохранения, своеобразной реакцией «против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств, осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и восприятием речи», и в целом – защитной функцией организма [Серебренников, 1988, с. 95].

Выделяя «трудные для произношения звуки и сочетания звуков», Б. А. Серебренников предполагает, что языки стремились различными путями от них избавиться, и на богатом фактологическом материале исторической фонетики разных языков мира представляет примеры «экономии физиологических затрат», ведущей к «облегчению произношения».

Однако далее честно замечает: «Стремление создать в языке систему фонем, обладающую хорошими дифференцирующими свойствами, находится в резком противоречии с тенденцией к экономии физиологических затрат. Как известно, тенденция к экономии физиологических затрат направлена на то, чтобы создать звуки лёгкие для произношения. Для создания системы фонем, обладающей хорошими различительными признаками, лёгкость произношения не играет никакой роли. <...> Этим, между прочим, объясняется тот примечательный факт, что устраняемые в языке труднопроизносимые звуки с течением времени появляются вновь» [Серебренников, 1988, с. 116–117].

Обратим внимание на удивительное внутреннее противоречие: с одной стороны, Б. А. Серебренников размышляет о звуках и о том, как «экономия физиологических затрат» направлена на облегчение произношения, а с другой – о создании систем фонем с «хорошими дифференцирующими свойствами».

Фактически об этом же писал А. Мартине, выделяя речевую, синтагматическую и языковую, парадигматическую экономии и подчеркивая роль

последней в языковой эволюции. Достаточно, вслед за А. Мартине, строго отделить язык (у Б. А. Серебренникова – системы фонем) от речи как звучащего потока (у Б. А. Серебренникова – звуки трудные или лёгкие для произношения), и многое проясняется.

Действительно, в истории эволюции разных языков процессы облегчения и усложнения произношения всегда сопровождают друг друга. Например, в истории формирования и эволюции французского языка многие фонетические процессы не упростили, а существенно усложнили произношение.

Так, дифтонгизация в период вульгарной латыни привела к формированию старофранцузских дифтонгов [ou, io, ei, ie], произнесение которых безусловно требует больших усилий, нежели простых гласных [o, e]. Результатом палатализации стало формирование старофранцузских аффрикат [ts, dz, tʃ, dʒ], а по мнению Б. А. Серебренникова, от аффрикат как труднопроизносимых звуков стремились освободиться многие языки, точно так же, как и от носовых гласных. Между тем, в старо- и среднефранцузском языках прошла назализация, результатом которой стало формирование «усложняющих произношение» назализованных гласных [ã, õ, ï, ê, ÿ] и дифтонгов [aï, iê, uõ, uê, etc]. Вокализация l > u усложнила старофранцузское произношение трифтонгами [eau, ieu, ueu], и так далее (см. напр.: [Скрелина, Становая, 2005]).

В этой связи трудно утверждать, что именно «экономия физиологических затрат», ведущая к «облегчению произношения», определяла изменения французского языка.

Если же отойти от гипноза младограмматической истории языка, долго царившей в языкознании, и посмотреть на произошедшие фонетические изменения, например, в русле функциональной лингвистики, то ход языковой эволюции становится логичным и понятным.

Так, фонологическая система современного французского языка представляет почти совершенную гармонию и симметрию по сравнению с исходным латинским языком-основой и другими романскими языками, наглядно иллюстрируя действие принципа экономии в понимании А. Мартине. Например, в результате сначала дифтонгизации, а затем монофтонгизации, система французского вокализма получила отсутствовавший в латинском языке огубленный [œ < eu, ue, ueu], заполнивший «пустую клетку» в оппозиции «огубленный : неогубленный» [œ : ε], а в результате сначала палатализации, а затем упрощения аффрикат, система французского консонантизма получила отсутствовавший в латинском языке звонкий [z < dz], заполнивший «пустую клетку» в оппозиции «звонкий : глухой» [z : s], и завершившие ряд согласные [ʃ < tʃ : ʒ < dʒ].

Можно было бы «произвольно истолковать» произошедшие языковые изменения как примеры «экономии речевых усилий», поскольку речь идет об «упрощении произношения» – ликвидации дифтонгов и аффрикат. Однако в этом случае причины появления дифтонгов и аффрикат останутся непонятными.

Если же сравнить фонологические системы латинского, старофранцузского и современного французского языков, то идея А. Мартине о «постоянно растущих потребностях общения» получает свою аргументацию в виде появления новых языковых элементов, в том числе и новых дифференциальных признаков, ассимиляция и дифференциация которых обусловила перестройку всей языковой системы.

Так, например, система латинского вокализма строилась вокруг 4 оппозиций (долгий : короткий, огубленный : неогубленный, открытый : закрытый, дифтонг : простой), при этом в системе отсутствовали симметрия и равновесие, то есть было много «пустых клеток». Система старофранцузского вокализма использует имеющиеся дифференциальные признаки и формирует новые, выстраивая систему уже вокруг 7 оппозиций (огубленный : неогубленный, открытый : закрытый, назализованный : чистый, передний : задний, долгий : короткий, дифтонг : простой, трифтонг : простой). В системе современного французского вокализма количество дифференциальных признаков сокращено до 4 (огубленный : неогубленный, открытый : закрытый, носовой : чистый, передний : задний), причем система, как уже отмечалось, поражает своей почти идеальной гармонией и симметрией. Одновременно с этим ясно видны «слабые звенья» системы, требующие своей корректировки.

Таким образом, в течение долгих столетий шло последовательное формирование новой экономной, гармоничной и симметричной фонологической системы французского языка, и в этом длительном процессе были и «упрощение», и «усложнение» произношения, однако ведущую роль играла не «экономия речевых усилий», не «экономия физиологических затрат», не «экономия трудовой энергии» и тому подобное, а языковая экономия как внутренний закон языковых системных изменений.

К схожему заключению приходит и сам Б. А. Серебренников, который самостоятельно, но фактически в полном соответствии с концепцией А. Мартине и его пониманием экономии, формулирует и описывает на материале разных языков «тенденцию к созданию симметричной системы фонем» как отражения общей «тенденции к улучшению языкового механизма».

Опираясь на идеи П. Пасси, Ж. Вандриеса, Г. Габеленца, В. Хорна, Г. Фрея о наличии в языке двух противоположных тенденций, а именно: тенденции к простоте, удобству, единообразию, целесообразности, с одной стороны, и тенденции к выразительности, понятности, экспрессии, с другой, Б. А. Серебренников рассматривает происходящие в разных языках изменения, с точки зрения «повышения дифференцирующей способности языка», «создания более выразительных формативов», «устранения форм, утративших свою исконную функцию», «создания большей ясности и определённости», «компенсации коммуникативно необходимых языковых элементов» [Серебренников, 1988, с. 114–129].

Примечательно, что в этой части своих рассуждений он связывает, например, процесс оглушения конечных согласных уже не с «экономией физиологических затрат» и «облегчением произношения», а с тем, что

«конец слова становится малозначительным, начинает утрачиваться необходимость делать его более слышимым, более восприимчивым для собеседника» [Серебренников, 1988, с. 130].

Однако полностью отойти от «экономии физиологических усилий» как главной движущей силы языковой эволюции Б. А. Серебренников не хочет и, опираясь на мнение И. М. Сеченова о биологических особенностях человека, связывает появление в языках «технически более совершенного», «прогрессивного» аналитического строя с «известными физиологическими особенностями устройства человеческого мозга»: «Древние индоевропейские падежи и глагольные формы, обремененные большим количеством значений, находились в известном противоречии с некоторыми законами человеческой психики, с некоторыми особенностями физиологической организации человека. Значение, выраженное особой формой, легче воспринимается, чем конгломерат значений, выраженный одной формой. Совершенно естественно, что рано или поздно должен был произойти взрыв этой технически недостаточно совершенной системы, и он произошел» [Серебренников, 1988, с. 113–114; 225].

С этой идеей «упрощения языка» идеально согласуются примеры «экономии сил» в словообразовании и грамматике (морфологии и синтаксисе), приводимые в *Справочнике*: «В словообразовании тенденция к экономии находит своё выражение в обильном создании разного типа сложносокращенных слов, особенно аббревиатур, в широком распространении сложных слов (сложное слово – более экономное средство общения по сравнению со словосочетанием) и т.д. В морфологии побеждают более короткие из сосуществующих форм (ср.: *страной – странюю, скорей – скорее, написав – написавши, свойствен – свойственен, мок – мокнул, лошадыми – лошадями, восьмью – восемью, среди башкир, туркмен – среди башкиров, туркменов* и т. д.). В синтаксисе экономию языковых средств можно обнаружить в эллиптических конструкциях, в неполных предложениях, в опущении служебного слова (ср.: *глубиной в десять метров – глубиной десять метров, ценою в два рубля – ценою два рубля*) и т. д.» [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 534].

Хотя Р. А. Будагов [1972] уже дал общую критику подобных взглядов, о чем шла речь выше, не могу удержаться от своих многочисленных вопросов и комментариев.

Почему «сложное слово – более экономное средство общения по сравнению со словосочетанием»? Как с этим утверждением соотносится существование многочисленных фразеологизмов, а также их постоянное формирование и пополнение? Широко распространенная в разных языках замена одного слова на словосочетание, например, в русском языке: *агитировать ~ вести агитацию; заключить ~ делать заключение; производить ~ осуществлять производство* и так далее? Можно ли вообще полагать, что лишь «экономия сил» способствует пополнению словаря за счёт «разного типа сложносокращенных слов»?

На каких доказательствах основано утверждение, что «в морфологии побеждают более короткие из сосуществующих форм»? В исторической

грамматике такого постулата нет. Выбор той или иной грамматической формы не определяется её длиной: причины гораздо более разнообразные и обычно не поддаются столь примитивному объяснению.

Эллиптические конструкции, неполные предложения, опущение служебного слова могут быть следствием речевой (синтагматической) экономии, но и этому явлению должны быть доказательства, учитывая дискуссии специалистов, например, о статусе неполных предложений и эллиптических конструкций (предложений).

Что же касается «изменений языка», вызываемых этими видами «экономии сил», то чрезвычайно удивительным и непоследовательным представляется заключительное положение: «В подобных случаях «экономия» противостоит «избыточности» и имеет свое материальное выражение. Однако и в тех случаях, когда используемые языковые средства в количественном отношении остаются без изменения, но появляются удобные готовые модели, устойчивые сочетания, более совершенные унифицированные формы и т. п., можно говорить о лингвистической экономии» [Розенталь, Теленкова, 1976, с. 534].

Получается опять загадка! С одной стороны, экономия – это более простые звуки, более короткие формы слов и предложений, а с другой, экономия – это более удобные модели, более совершенные формы. Но, «короче и проще» не значит «лучше и удобнее»!

Если же, вслед за А. Мартине, строго отделить речевую экономию от языковой, то многие указанные противоречия исчезают.

Остается понимание сложности изучаемого объекта – языка, и необходимости глубокого, многомерного подхода к его изучению и осмыслению. По-прежнему самым сложным и дискуссионным в языкознании остается вопрос о том, почему и в каком направлении изменяется язык и что именно вызывает языковые изменения.⁵

Заключение

Проведённое исследование выявило факт смешения различных понятий при обращении к термину А. Мартине «(принцип) экономии», а также его явно упрощённое понимание, объясняющееся разными значениями слова «экономия» во французском и русском языках. В результате возникли «удобные», но не соответствующие фактам и логике объяснения для целого ряда модификаций гласных, согласных, слогов, для словообразовательных изменений и ряда других сложнейших явлений и процессов.

В функциональной лингвистике А. Мартине выделяются речевая, синтагматическая и языковая, парадигматическая экономия. Речевая, синтагматическая экономия связана с пониманием речи как речевого потока, а языковая, парадигматическая экономия – с пониманием языка как системы.

⁵ О некоторых существующих теориях причин языковых изменений см. напр.: [Скрелина, 1973, с. 73–141].

Речевая экономия определяется как выбор меньшего количества мов, слогов и фонем. Такое понимание понятия речевой экономии основано на обыденном значении слова «экономия» как экономность, бережливость. Этому пониманию речевой экономии соответствуют многочисленные и разнообразные определения «языковой экономии» как экономии речевых усилий, физиологических затрат, трудовой энергии, времени, речевых ресурсов, средств выражения, материального объёма и тому подобного.

Языковая, парадигматическая экономия, или принцип экономии, определяется как внутренний закон развития языка, как регулятор языкового поведения, как принцип организации и эволюции языковой системы, обеспечивающий её равновесие и симметрию. Языковая экономия заключается в экономном установлении различительных (дифференциальных, релевантных) признаков между знаками, элементами системы, поскольку минимальное количество дифференциальных признаков должно использоваться для обозначения максимума функциональных противопоставлений, для выражения максимального числа означаемых. Такое понимание понятия языковой экономии основано на широком значении слова '*economie*' во французском языке как порядка, способа управления, руководства, а также гармоничного и согласованного соотношения и соединения частей любого организованного целого, единства.

Чтобы избежать противоречий и недоразумений, вызываемых «досадной» полисемией рассматриваемого термина, необходимо, во-первых, строго разграничивать языковую (парадигматическую) и речевую (синтагматическую) экономию, и во-вторых, чётко осознавать, что ни та, ни другая не может быть сведена только к упрощению, или сокращению чего-либо.

Наконец, следует ещё раз подчеркнуть, что правильное употребление терминов не только свидетельствует о профессиональной грамотности, но позволяет ясно и непротиворечиво изложить цели, задачи и результаты исследования. Любой используемый термин, особенно такой популярный и многозначный как «экономия», должен употребляться в строгом соответствии со своим значением и сферой употребления.

Список литературы

1. Березин, Ф. М. История лингвистических учений [Текст] / Ф. М. Березин – М. : Высшая школа, 1984. – 319 с.
2. Будагов, Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? [Текст] / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1972. – № 1. – С. 17–36.
3. Избыточность в грамматическом строе языка [Текст] / Избыточность в грамматическом строе языка. – Отв. ред. М. Д. Воейкова. – СПб. : Наука, 2010. – 462 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 2).

4. Мартине, А. Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диахронической фонологии) [Текст] / А. Мартине – Перевод с французского: А. А. Зализняк. Ред. и автор вст. статьи: В. А. Звегинцев. – М. : Издательство иностранной литературы, 1960. – 263 с.
5. Мартине, А. Механизмы фонетических изменений: Проблемы диахронической фонологии [Текст] / А. Мартине. – Перевод с французского: А. А. Зализняк. Изд. 2. – М. : УРСС, 2006. – 264 с.
6. Мартине, А. Основы общей лингвистики [Текст] / А. Мартине. // В кн. : Новое в лингвистике. – Вып. 3. – М. : Издательство иностранной литературы, 1963. – 568 с.
7. Пиотровская, Л. А. Интонация текста и речевая деятельность: психолингвистический анализ [Текст] / Л. А. Пиотровская // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2015. – № 4. – Вып. 1. – С. 52–63.
8. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию [Текст] / Е. Д. Поливанов. – М. : Наука, 1968. – 376 с.
9. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление [Текст] / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
10. Скрелина, Л. М. Из истории французской глагольной системы. Принцип экономии в морфологических изменениях [Текст] / Л. М. Скрелина // Филологические науки. 1968. № 1. – С. 77–84.
11. Скрелина, Л. М. Некоторые вопросы развития языка (проблемы и методы диахронического исследования) [Текст] / Л. М. Скрелина. – Минск : Изд-во БГУ, 1973. – 144 с.
12. Скрелина, Л. М., Становая, Л. А. История французского языка [Текст] / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – М. : Высшая школа, 2001 (1 изд.), 2005 (2 изд.); Юрайт, 2013 (3 изд.). – 463 с.
13. Скрелина, Л. М., Становая, Л. А. Теоретическая грамматика французского языка [Текст] / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2012. – 386 с.
14. Широков, О. С. Языковедение: введение в науку о языках [Текст] / О. С. Широков. – Под ред. А. А. Волкова. – М. : Добросвет, 2003. – 736 с. : ил.
15. Feuillard, C. Le fonctionnalisme d'André Martinet [Текст] / C. Feuillard. // La linguistique. – 2001. – № 1. – Vol. 37. – P. 5–20.
16. Martinet, A. Economie des changements phonétiques: Traité de phonologie diachronique [Текст] / A. Martinet. – Berne : Editions A. Francke, 1955. – 396 p.
17. Martinet, A. Éléments de linguistique générale [Text] / A. Martinet. – 3ème éd. – Paris : Armand Colin, 1967. – 217 p.
18. Martinet, A. Évolution des langues et reconstruction [Text] / A. Martinet. – Paris : PUF, 1975. – 264 p.
19. Martinet, A. Grammaire fonctionnelle du français [Text] / A. Martinet. – Paris : Didier et St.-Cloud, Crédif, 1979. – XII + 276 p.
20. Martinet, J. La sémiologie [Text] / J. Martinet. – Paris : Seghers, 1975. – 243 p.
21. Skrélina, L. M. De l'économie de certains changements grammaticaux en ancien français [Text] / L. M. Skrélina. // La linguistique. – 1968. – № 1. – P. 61–78.

Список словарей

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966.
2. Исторический словарь галлицизмов русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://gallicismes.academic.ru/> (дата обращения 01.10.2016).
3. Ожегов, С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов [Текст] / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 22-е изд., стер. – М. : Русский мир, 1990.
4. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : пособие для учителей [Текст] / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Просвещение, 1976.
5. Словарь иностранных слов. Под редакцией И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. Изд. 3 пер. и доп. – М. : Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949.
6. Словарь иностранных слов. Составители: М. Ю. Жекило, Е. С. Юрченко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2001.
7. Хэмп, Э. Словарь американской лингвистической терминологии. – Пер. и доп. В. В. Иванова. – Под ред. и с предисловием В. А. Звегинцева. – М. : Прогресс, 1964.
8. Dictionnaire de l'Académie Française [Electronic resource]. – 1–9 éd. – Paris, 1694–1992. – Retrieved October 1, 2016 from <<http://portail.atilf.fr/dictionnaires/ACADEMIE/index.htm>>.
9. Dubois, J. Dictionnaire de la langue française classique [Text] / J. Dubois, R. Lagane. – Paris : Librairie classique E. Belin, 1960.
10. Encyclopédie Universelle [Electronic resource]. – Retrieved October 1, 2016 from <http://encyclopedie_universelle.fracademic.com/>.
11. Dictionnaire critique de la langue française. Par Jean-François Féraud [Electronic resource]. – Marseille: Jean Mossy Père et Fils, 1787–1788. Tomes 1–3. – Retrieved October 1, 2016 from <<http://portail.atilf.fr/dictionnaires/FERAUD/index.html>>.
12. Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par P. Robert [Text]. – Paris: SNL, 1979.
13. Trésor de la Langue Française [Electronic resource]. – Retrieved October 1, 2016 from <<http://atilf.atilf.fr/>>.

References

1. Berezin, Th. M. (1984). *Istoria lingvisticheskikh utcheniy* [History of linguistics]. Moscow : Higher School.
2. Budagov, R. A. (1972). Opredeľiaet li prinzip ekonomii razvitie i funkcionirovanie jazika? [Does the principle of economy determine language development and functioning?]. *Topics in the Study of Language*, 1, 17–36.
3. Izbitocnost v grammaticheskom stroe jazika (2010). [Redundancy in the grammatical system of the language]. Ed. by M. D. Voeikova. St-Petersburg : Nauka. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proc. of Institute for linguistic studies, Russian Academy of Sciences).
4. Martinet, A. (1960). *Prinzip ekonomii v foneticheskikh izmenenijah* (Problemi diachronicheskoy fonologii) [The principle of economy of phonetic changes

- (problems of diachronic phonology)]. Translated from French by A. A. Zaliznyak. Moscow : Foreign Languages Publishing House.
5. Martinet, A. (2006). *Mehanizmi foneticheskikh izmeneniy: Problemi diachronicheskoy fonologii* [The mechanisms of phonetic change: Problems of diachronic phonology]. Translated from French by A. A. Zaliznyak. 2nd ed. Moscow : URSS.
 6. Martinet, A. (1963). *Osnovi obtchey linguistiki* [Foundations of General linguistics]. In *New in linguistics*. (Vol. 3). Moscow : Foreign Languages Publishing House.
 7. Piotrovskaya, L. A. (2015). *Intonazia texta I rechevaja dejatel'nost: psyholingvistichesky analiz* [Text intonation and language behaviour: The psycholinguistic analysis]. *Theoretical and applied linguistics*, 1 (4), 52–63.
 8. Polivanov, E. D. (1968). *Statji po obchemu jazikoznaniu* [Articles on General linguistics]. Moscow : Nauka.
 9. Serebrennikov, B. A. *Rol chelovecheskogo faktora v jazike: Jazik I michlenie* [The role of human factor in language: Language and thinking]. Moscow : Nauka.
 10. Skrelina, L. M. (1968). *Iz istorii francuzskoy glagol'noy sistemi. Prinzip ekonomii v morfologicheskikh izmeneniah* [From the history of the French verbal system. The principle of economy in morphological changes]. *Philological Sciences*, 1, 77–84.
 11. Skrelina, L. M. (1973). *Nekotorie voprosi razvitija jazika (problemi I metodi diahronicheskogo issledovania)* [Some issues of language development (Problems and methods in the diachronic study)]. Minsk : Belorussian State University Press.
 12. Skrelina, L. M., Stanovaya, L. A. (2001; 2005; 2013). *Istoria francuzskogo jazika* [History of the French language]. Moscow : Higher school, 2001 (1st ed.), 2005 (2nd ed.); Yurayt, 2013 (3d ed.).
 13. Skrelina, L. M., Stanovaya, L. A. (2012). *Teoreticheskaya grammatika francuzskogo jazika* [Theoretical grammar of the French language]. St-Petersburg : Herzen State Pedagogical University Press.
 14. Shirokov, O. S. (2003). *Jazikovedenie: vvedenie v nauku o jazikah* [Linguistics: An introduction to the studies of languages]. Ed. by A. A. Volkov. Moscow : Dobrosvet.
 15. Feuillard, C. (2001). Le fonctionnalisme d'André Martinet. *La linguistique*, 1 (37), 5–20.
 16. Martinet, A. (1955). *Economie des changements phonétiques: Traité de phonologie diachronique*. Berne: Editions A. Francke.
 17. Martinet, A. (1967). *Éléments de linguistique générale*. 3ème éd. Paris : Armand Colin.
 18. Martinet, A. (1975). *Évolution des langues et reconstruction*. Paris : PUF.
 19. Martinet, A. (1979). *Grammaire fonctionnelle du français*. Paris : Didier et St.-Cloud, Crédif.
 20. Martinet, J. (1975). *La sémiologie*. Paris : Seghers.
 21. Skrélina, L. M. (1968). De l'économie de certains changements grammaticaux en ancien français. *La linguistique*, 1, 61–78.

Dictionaries

1. Ahmanova O. S. (1966). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : Soviet encyclopedia.
2. Istorichesky slovar gallizimov ruskogo jazika [Historical dictionary of Russian gallicisms]. Retrieved October 1, 2016 from <<http://gallicismes.academic.ru/>>.
3. Ozhegov, S. I. (1990). *Slovar russkogo jazika: 70 000 slov* [Dictionary of the Russian language: 70 000 words]. 22nd ed. Ed. by N. Ju. Shvedova. Moscow : Russian Mir.
4. Rozental, D. E., Telenkova, M. A. (1976). *Slovar-spravocnik lingvisticheskikh terminov. Posobie dlja uchiteley* [Dictionary of linguistic terms. A Handbook for teachers]. 2nd ed. Moscow : Education.
5. Slovar inostrannih slov. (1949). [Dictionary of foreign words]. Ed. by I. V. Lehin and Prof. F. N. Petrov. 3d ed. Moscow : State Publishing House of Foreign and National Dictionaries.
6. Slovar inostrannih slov. (2001). [Dictionary of foreign words]. Compilers: M. Yu. Jekalo , E. S. Yurchenko. Rostov-on-Don : Fenix.
7. Hamp, E. (1964). *Slovar amerikanskoy lingvisticheskoy terminologii* [Dictionary of American linguistic terminology]. Translated by Vladimir Ivanov. Under the editorship and with a Preface by V. A. Zvegintsev. Moscow : Progress.
8. Dictionnaire de l'Académie Française. (1694-1992). 1–9 éd. Paris. Retrieved October 1, 2016 from <<http://portail.atilf.fr/dictionnaires/ACADEMIE/index.htm>>.
9. Dubois J., Lagane R. (1960). *Dictionnaire de la langue française classique*. Paris : Librairie classique E. Belin.
10. Encyclopédie Universelle. Retrieved October 1, 2016 from <http://encyclopedie_universelle.fracademic.com/>.
11. Dictionnaire critique de la langue française. Par Jean-François Féraud (1787–1788). Tomes 1–3. Marseille : Jean Mossy Père et Fils. Retrieved October 1, 2016 from <<http://portail.atilf.fr/dictionnaires/FERAUD/index.html>>.
12. Le Petit Robert. (1979). *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française par P. Robert*. Paris : SNL.
13. Trésor de la Langue Française. Retrieved October 1, 2016 from <<http://atilf.atilf.fr/>>.